

АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ТРУДЫ, ВЫПУСК 12

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
РОССИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

памяти

Бориса Александровича

РОМАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД

1971

Доклад «Книга В. А. Романова „Люди и нравы древней Руси“» сделал *Д. С. Лихачев*.

В этой книге больше, чем где бы то ни было в других работах, запечатлелся В. А. Романов: его своеобразная манера излагать свои мысли, его подход к историческому материалу, его темперамент ученого и художника. Может быть, именно поэтому «Люди и нравы древней Руси» — одна из самых оригинальных книг в исторической и литературоведческой исследовательской литературе. Книга В. А. Романова «Люди и нравы древней Руси» необычна прежде всего по подходу к историческому материалу: автор задался целью реконструировать жизнь и исторические типы людей древней Руси с тем, чтобы «дать живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском феодальном обществе». О приемах своей художественной реконструкции жизни XI—XIII вв. В. А. Романов довольно точно пишет сам в предисловии к книге: автор «взял на себя, как толмач, перевести старинные слова» на язык современного читателя. Он переводит их тут же, на глазах у читателя, демонстрируя в книге и подлинный текст, и его интерпретацию в современных понятиях, современных представлениях (в книге дается, конечно, не языковый перевод, а перевод понятий и представлений). Этот «перевод» сближает древние понятия с современными и одновременно, путем этого сближения, вскрывает их различие. Чтобы приблизить жизнь древней Руси к взору и слуху современного читателя, В. А. Романов обильно вводит в свой текст вполне современные нам выражения, совмещая их с архаизмами подлинных древнерусских материалов. Эти современные нам выражения возможны в книге только потому, что рядом с ними ставятся выражения XI—XIII вв. В этом необычно остром столкновении модернизмов и архаизмов жизнь древней Руси приближается к современному читателю до почти полной ее осязаемости и зримости в отдельных ее проявлениях. Правда, ученых читателей с консервативными литературными вкусами эта своеобразная манера изложения настраивала отрицательно к книге В. А. Романова, но она же создавала ему близких друзей среди тех, кто предпочитал острую постановку вопросов, научную смелость и оригинальность ученому снобизму и скучному научному благоприличию.

В своей книге В. А. Романов использует хорошо известные источники, но он ставит им такие вопросы, которые этим источникам еще не предлагались. В. А. Романов использует эти памятники для воспроизведения живых, ярко расцвеченных картин древнерусской жизни. Он изображает погоню за бежавшим холопом, используя для этого Русскую Правду, рисует картины монастырской жизни, используя для этого Киево-Печерский па-

терик, воспроизводит «жизнь человека», идя за этим человеком по следам Кириковых вопрошаний и т. д. Эти «круги жизни» сковываются автором в единую цепь при помощи своеобразно выбранного «гида» — Даниила Заточника.

«Гид» этот выбран на редкость удачно. Это человек, захваченный, согласно концепции Б. А. Романова, процессом классового образования, человек, носимый, как щепка, в бурном потоке жизни XI—XIII вв., «мизантроп», относящийся к современной ему жизни с критикой и с «приглядкой к ее гримасам». Б. А. Романов не выдумал его — он только реконструирован им на основе реального произведения. Б. А. Романов примеривает его к различным ситуациям XII—XIII вв., читает его глазами «Слово о полку Игореве» или расценивает его словами современных ему князей. В конце концов Б. А. Романов настолько объединяет Заточника с его эпохой, что Заточник становится для него неким символом своего времени. Перед нами, конечно, эксперимент, и если говорят, что эксперимент невозможен в исторической науке, то в книге Б. А. Романова это получает живое опровержение.

В результате такого рассмотрения жизни древней Руси, действуя по образу и подобию историка, Б. А. Романов воссоздал по крохам зримые и слышимые, почти осязаемые сцены старой русской жизни. И эта открывшаяся нам жизнь оказывается совсем не такой, какой она обычно нам представлялась. Культура древней Руси открылась нам не с ее фасадной стороны, а с внутренней. Книга ввела нас внутрь княжеского двора, внутрь смердией клети, внутрь церковного «дома». То, что показал нам здесь Б. А. Романов в современных нам терминах, оказалось гораздо сложнее, чем мы представляли себе, когда глядели на эти дворы с их фасадов. Сложность людских взаимоотношений, пестрота социального состава, сложность процесса классового образования открыли перед нами с новой стороны высоту культуры древней Руси. Из книги Б. А. Романова мы отчетливо увидели и то, что жить в древней Руси было вовсе не так просто и не так легко, что эпоха была жестокой, что нравы были даже не «домостроевскими», но и «додомостроевскими». Иногда Б. А. Романов рисует картины прямо-таки мрачные: конкретно, во всех деталях описана погоня за бежавшим холопом, жестокие дружинные нравы, продажа детей «одерень», нарушения клятв, случаи феодального самоуправства. Эта обрисовка тяжелых сторон жизни древней Руси вызвала больше всего возражений тех лиц, которые примитивно понимали патриотизм историка лишь как долг воехваления и идеализации прошлого своей родины. А между тем разве могли мы сомневаться в том, что наряду со светлыми сторонами жизни в древней Руси были и стороны темные? Разве могли мы забывать, что в непосредственном соседстве с великолепными храмами их творцы ютились в жилищах полуземляночного типа? Признание высокой культуры Киевской Руси отнюдь не требует от нас идеализации ее социальной жизни, которую главным образом и изучает Б. А. Романов, показывая нам жесточайшую эксплуатацию смердов и холопов, их трудное жизненное положение, их бесправие. Б. А. Романов показал высоту древнерусской культуры через сложность социальных отношений того времени, через демонстрацию процесса классового образования, свидетельствующего об определенной стадийной высоте русской культуры, через показ отнюдь не примитивной, а, напротив, сложной умственной жизни того времени, не затушевывая вместе с тем трудностей и горечи древнерусской жизни, не модернизировав ее и не принимая тона барственной к ней сплоскнутости. Киевская Русь настолько приближена в книге Б. А. Романова к современному читателю, что вызывает в нем сострадание к человеку того времени, до отказа «глотившего полную горечь» жизни, к подневольному холопу или «свободному» смерду. Читатель воспринимает прошлое Руси как свое прошлое, сочувствует и сострадает ее людям, и в этом поразительный художественный эффект книги, а вместе с тем — ее подлинный патриотизм.

Главное в содержании книги — это люди, а «правы» в ней лишь фон, на котором эти люди показываются. Часть людских образов реконструируется Б. А. Романовым почти шахматовскими приемами из нелитературных источников — из Русской Правды, из Илариновых вопрошаний, из Митрополичьего правосудия.

Сопоставляя «Моления» Даниила Заточника и статьи Русской Правды, Б. А. Романов устранил гипотезу о Данииле как о беглом княжеском холопе и сомнения в том, что первая редакция «Моления» действительно старше второй.

Он последовательно реконструирует жизнь феодальной «челяди», описывает бытовое положение холопов в рамках феодального общества, показывает те типично феодальные каналы, по которым шло пополнение рабочей силы в хозяйстве феодала, стремление законодательства удержать эту рабочую силу в хозяйстве. В основном автор исходит здесь из представления о феодальной общественной формации, вскрывая лишь бытовую обстановку XII—XIII вв. Для автора, как и для Б. Д. Грекова, основой феодального хозяйства остается втягиваемый в него всяческими путями и способами смерд.

Б. А. Романов рисует жизнь «свободного смерда» как основной человеческой фигуры не только хозяйства феодала, но и всей «киевской государственности», рисует бытовую обстановку жизни смердов, только вскрывает различное отношение к смердам в среде этого господствующего класса, начиная от полнейшего презрения к смерду и приравнивания его к животному и кончая «смердолюбием» Мономаха.

Б. А. Романов обращается и к хозяевам вотчинного двора, светским феодалам, князьям. Здесь центральная и наиболее импозантная фигура — Владимир Мономах, раскрытая Б. А. Романовым совершенно по-новому. В отличие от своих предшественников, рассматривавших Мономаха в ряду князей XI—начала XIII в. и создавших «величественный» и несколько абстрактный образ этого князя, Б. А. Романов показывает Мономаха как представителя своего времени — времени феодальной раздробленности. Б. А. Романов раскрывает биографию Мономаха не как нечто уникальное, а как среднюю, типическую, плотно включенную в княжеский быт своего времени. Мономах в интерпретации Б. А. Романова отнюдь не более мелкая историческая фигура, чем у его предшественников, но фигура эта уже не идеализирована, не вознесена над эпохой, а плотно к ней пригнана, объяснена ею и введена в историческую перспективу.

Б. А. Романов рисует, кроме того, еще один тип крупных феодалов — «князей» церкви, а затем возвращает нас в той же церковной сфере к низам общества — к мелким представителям клира.

Наконец, в своей книге Б. А. Романов показывает «жизнь всякого человека» древней Руси, поскольку этого всякого человека захватывали одни и те же стороны цепкого церковного быта. Здесь перед читателем проходят роды, крестины, рост ребенка, его половое воспитание, примеры родительской власти над ним, вопросы, связанные с браком, семейным бытом, разводом, побочной семьей и, наконец, вопросы, возникающие в обстановке предвверия смерти — составление завещания, последствия смерти главы семьи для ближайших ее членов.

Ни один историк и литературовед, занимающийся памятниками Киевской Руси, не сможет пройти мимо оригинальной и глубоко талантливой книги Б. А. Романова — книги, подвергнувшей правовые и литературные памятники древней Руси требовательному анализу историка, увидевшего в них не только литературное отражение действительности, но частично и самую эту действительность.

Доклад «Б. А. Романов как исследователь социальных отношений в древней Руси» сделал *В. Н. Бернадский*.

Социальные отношения древней Руси — это тема, которой начинал свой научный путь Б. А. Романов и которой он занимался на протяжении всей жизни. Работы Б. А. Романова в этой области представляют чрезвы-

чайно большой интерес. Ему принадлежит, например, блестящий анализ «Устава о закупках» и «Устава о холопах», а также исследование положения смердов.

Б. А. Романов отнюдь не отвергал феодальную природу общественного строя Киевской Руси, как пытались утверждать некоторые из его критиков. Наоборот, и проблему закрепощения древнерусского смерда, и проблему холопства он рассматривал под углом зрения развития в Киевской Руси именно феодальных отношений. Другое дело, что Б. А. Романов (и в этом его большая научная заслуга) выявил близость в бытовом положении феодально-зависимых людей и рабов (что явилось отражением пережитков рабовладельческой психологии и чрезвычайно характерно для рассматриваемого периода), а также детально исследовал проблему перехода от свободного к несвободному состоянию в феодальном обществе.

В. П. Вернадский отмечает как выдающиеся явления советской историографии работы Б. А. Романова «Комментарии к Русской правде», «Комментарии к Судебнику 1550 г.», а также книгу «Люди и права древней Руси», в оценке которой он присоединяется к мнению Д. С. Лихачева.

Б. А. Романову как историку был присущ ряд замечательных качеств. В своих работах он всегда шел от источника, его интерпретации, его исследования. Б. А. Романов умел заставить заговорить мертвый источник. Он обладал богатейшим историческим воображением, что позволяло ему представить себе психику людей прошлого. В его подходе к источнику никогда не было модернизации или субъективизма. Работы Б. А. Романова отличаются строгостью и отточенностью мысли. Именно поэтому ему удавалось восстановить живую жизнь со всеми ее противоречиями и неуловимыми переходами. Подлинная сила Б. А. Романова как историка — в неугасимом огне интуиции мысли, в неутомимой жажде истины.